

МОТИВ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-1-46-52

Т.А. Богумил¹

Алтайский государственный педагогический университет

О.В. Побивайло²

МБОУ «Лицей №112»

МОТИВ ОХОТЫ В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

В статье предложена мифопоэтическая и мотивная интерпретация романа Г. Яхиной. В центре внимания – мотив охоты, который раскрывается в разных контекстах как реальная охота в тайге на зверя, метафора любовного преследования, механизм государственных репрессий, символ евангельской «ловли душ». Персонажи разделяются на «охотников» и «жертв», впрочем, в зависимости от ситуации роли могут меняться. Мифологический подтекст образа Зулейхи – античная Артемида. В основе образов основателей поселка Семрук – сказочная птица Симуург.

Ключевые слова: мотив, миф, мифопоэтика, Г. Яхина, современная проза.

T.A. BOGUMIL

Altai State Pedagogical University

O.V. POBIVAYLO

MBEI "Lyceum №112"

THE MOTIVE OF HUNTING IN THE NOVEL BY GUZEL YAKHINA "ZULEIKHA OPENS HER EYES"

In this paper, a mythopoetic and motive analysis of the novel by G. Yakhina is demonstrated. The focus is on the motive of hunting. It is revealed in different contexts as a real hunt in the taiga for an animal, a metaphor for love pursuit, a mechanism of state repression, a symbol of the gospel "catching souls." The characters are divided into "hunters" and "victims", however, the roles may change depending on the situation. The mythological subtext of the image of Zuleikha is antique Artemis. The images of the founders of the village of Semruk are based on the fairy bird Simurg.

¹ Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

² Оксана Викторовна Побивайло, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей №112» (Барнаул)

Keywords: motive, myth, mythopoetics, G. Yakhina, modern prose.

Охота как социально-культурный феномен описана достаточно подробно и разносторонне в русской художественной литературе, начиная с XIX века. Подобное времяпрепровождение героев Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева обусловлено, прежде всего, особенностями быта дворянского сословия, для которого охота была и досугом, и развлечением, и частью светской жизни. В текстах XX века функции охоты меняются в силу социальных перемен. Несмотря на это, герои М.А. Шолохова, В.М. Шукшина, Ч. Айтматова, А. Вампилова охотятся не только с прагматическими целями. Автор романа «Зулейха открывает глаза», посвящённого судьбе крестьянки-татарки, её соплеменникам и в целом народу в эпоху коллективизации, не обходит стороной феномен охоты и, более того, выстраивая диалог с претекстами и мифами, создаёт витиеватую мотивную структуру.

Напрямую охотником в романе названа главная героиня. Зулейха Валиева становится добытчицей мяса и пушнины в составе артели коллективного хозяйства посёлка Семрук после того, как случайно убивает хозяина урмана (тайги) – медведя. За семь лет (цифра подчёркнуто символичная в романах Яхиной) она осваивает ремесло охотницы в совершенстве, становясь, подобно древнегреческой Артемиде, богине охоты, новой хозяйкой этого леса. Неоднократно повторяется в романе, что в этой дикой глуши, куда были заброшены раскулаченный поселенцы, нет тех языческих божков и духов, которых с детства знала Зулейха в родном поселении, нет здесь и Бога (Аллаха), которому она всё-таки ещё молится, или он не может приглядеть за людьми в такой глуши, на краю света. Зулейха научается необходимому умению охотника – быть незаметной и не услышанной в тайге: «Здесь, в окружении сине-зелёных елей, нужно не ступать – бесшумно скользить, едва касаясь земли; не примять травы, не сломать ветку, не сбить шишку – не оставить ни следа, ни даже запаха; раствориться в прохладном воздухе, в комарином писке, в солнечном луче. Зулейха умеет: тело её легко и послушно, движения быстры и точны; она сама – как зверь, как птица, как движение ветра, течёт меж еловых лап, сочится сквозь можжевельниковые кусты и валежник» [Яхина, 2018а, с. 395]. Помимо умения раствориться в окружающей природе, Зулейха-охотница ощущает ружьё продолжением своего тела: «...не ружьё это вовсе, а словно часть её самой, как рука или глаз» [Яхина, 2018а, с. 393]. Она настолько сливается с окружающей её тайгой, что чувствует ритмы жизни и смерти. Словно судьба, она убивает зверя, понимая, что если не она, то другой хищник лишит его жизни. Спустя день или через месяц её жертва падёт от старости или болезни: «Смерть была тесно, неразрывно переплетена с жизнью – и оттого не страшна. Более того, жизнь в урмане всегда побеждала» [Яхина, 2018а, с. 393]. Всё, что

умерло, не уходит в небытие, напротив, становится основой новой жизни: «А через месяц или год хищник сам падёт от болезни или старости, станет добычей червей, растворится в земле, напитает соками деревья, прорастёт на них свежей хвоей и молочными шишками – станет пищей для детей убитой белки или задранного глухаря» [Яхина, 2018а, с. 393]. Зная эти законы и становясь частью этого мира, Зулейха не считает себя жестокой. Она чувствует себя «каплей в зелёном хвойном море» [Яхина, 2018а, с. 394] и часто благодарит череп того первого убитого ею медведя. Подобная партиципация (сопричастность) с природой позволяет говорить о мифологическом восприятии мира героини.

Оборотничество как ещё одна черта мифа проявляет себя в переворачивании оппозиции охотник / жертва. Зулейха рассказывает сыну Юзуфу сказку о птице Семруг. Это её переложение поэмы тюркского поэта Алишера Навои «Язык птиц»: «В поэме Навои птицы отправляются на поиски мудрого шаха Симурга, дабы он спас их от страданий жизни. Миновав семь долин (семь ступеней на пути совершенствования), пройдя множество испытаний, птицы в финале странствия достигают пышных садов единения – обители Симурга, – где в каждой розе, словно в зеркале, видят собственное отражение. Птицам открывается, что шах Симург – это они, тридцать птиц (из огромной стаи лишь тридцать достигли цели). Слово «си» по-персидски – тридцать, «мург» – птица» [электронный ресурс, <http://kudes.ru/?q=book/export/html/4467>]. История переселенцев посёлка Семрук полностью повторяет канву сюжета поэмы Навои. Оставшиеся тридцать раскулаченных крестьян и бывших ленинградцев после полугода пути по России открывают в сибирской тайге себя заново. Аналогичным же образом образовано название поселения: Семрук – это ошибочное слияние слов «семь» и «рук» – три пары рук доктора Вольфа Лейбе, коменданта Игнатова, рыбака Лукки и одна рука строителя Авдея. Именно благодаря этим людям был возведён посёлок, и выжили первые его поселенцы. В пересказе Зулейха меняет последнюю букву в названии посёлка, но сын всё равно догадывается, что эта сказка о его матери и селянах. Сравнение героини с птицей напрямую и опосредованно через поэму Алишера Навои нейтрализует оппозицию охотник / жертва. Более того, героиня выступает жертвой и в других контекстах, сопряженных с развитием мотива охоты.

В сцене убийства медведя раскрывается значение охоты как любовного влечения. В древнегреческой мифологии сюжет о неразделённой любви часто представлен в виде преследования, например, Аполлон и Дафна. Последняя, кстати, соотносится в Артемидой, давшей обет безбрачия. Зулейха – мать, но её отказ Игнатову основан на глубокой внутренней чистоте героини, верности хоть и нелюбимому, но мужу, убитому «красноордынцем». Схватив

впервые в жизни ружьё, она метит поначалу не в медведя, а в Игнатова, который в страстном томлении тянет её к себе. Учитывая, что любовь их взаимна, они оба в этой ситуации и охотники, и жертвы. Позднее Зулейха признаётся самой себе, что не в него тогда целилась, а в себя, в своё, с её точки зрения, преступное желание. Символично, что первой её жертвой становится именно медведь. Артемида носила медвежью шкуру [Тресиддер, 1999, с. 218].

Игнатов, несмотря на то, что построил ловушку, не смог убить медведя. Хозяин тайги – его соперник, победа над ним означала бы для коменданта абсолютное торжество над переселенцами и силами природы.

Ещё одно значение образа медведя прочитывается в данном любовном контексте через призму фольклора, где этот зверь часто выступает в качестве жениха. Убивает зверя Зулейха, защищая своего сына, что создаёт треугольник «она – любимый мужчина – любимый сын», что впоследствии приведёт к разрыву отношений с Игнатовым. Второй раз спасая сына от опасности – от стаи волков, она принимает решение расстаться с возлюбленным ради безопасности сына.

Параллель «охота – любовь» в романе усиливается благодаря другим мотивам. Запахи и чуткое обоняние играют важную роль в успешной охоте. В связи с этим первым проявлением ещё непонятого для самой Зулейхи чувства становится запах мёда: «А ещё казалось – нестерпимо пахнет мёдом. Горячая вода, бинты, даже самогон – мёдом. И игнатовское тело. И волосы» [Яхина, 2018а, с. 435]. Мёд, как известно, является афродизиаком [Тресиддер, 1999, с. 218]. Не обходится охота без приманок и ловушек. Приманкой в любви становится ярко-красная точка самокрутки, которая видится Зулейхе каждый вечер на крыльце дома коменданта: «Мигает, как маяк – зовёт. И Зулейха идёт на зов» [Яхина, 2018а, с. 438]. Чтобы защититься от искушения, Зулейха мысленно надевает на комендатуру чёрный шатёр. Однако именно этот шатёр становится для неё ловушкой, когда она, вступив в него, перестаёт ощущать ритмы текущего за его границами времени и, пробыв с любимым слишком долго, чуть не теряет сына, отправившегося на её поиски в тайгу.

Несостоявшимся охотником в романе описан комендант Игнатов. Он научился читать звериные следы, даже чувствовать приближение зверя, однако охоту так и не полюбил: «Ему нравилось догонять и стрелять – но по-другому, в открытую и понятную мишень. Как в бою: видишь противника и палишь по нему или догоняешь и рубишь шашкой. Всё просто и ясно. А на охоте – сложно. Иногда представлял себе, что лесные звери вылезают из нор и берлог и, не прячась, не петляя, не замечая следы, ровными рядами скачут по огромному полю. Он – сзади, на коне; наводит револьвер и стреляет – одного за другим, одного за другим. Вот это была бы действительно

охота» [Яхина, 2018а, с. 302–303]. Похожим образом описана охота в романе Чингиза Айтматова «Плаха», когда охотники за длинным рублём расстреливают сайгаков из автоматов на вездеходах-«уазиках»: «Облава на моюнкумских сайгаков на него так страшно действовала, что он стал требовать, чтобы немедленно прекратили эту бойню, призвал озверевших охотников покаяться, обратиться к богу <...> Хотел остановить колоссальную машину истребления, разогнавшуюся на просторах Моюнкумской саванны, – эту всеокрушающую механическую силу...» [Айтматов, 2007, с. 269–270]. В этом контексте бой становится синонимом бойни. Именно бойней заканчивается очередной запой Игнатова с Кузнецом, когда оба в пьяном угаре бросаются на поселенцев: «Устроенную сегодня ночью в Семруке свистопляску с пальбой по живым людям уже успели прозвать вальпургиевой ночью. К счастью, убитых не было, только раненые» [Яхина, 2018а, с. 430].

Этот шабаш озверевших «красноордынцев» – частный случай разгула нечисти. В масштабах страны раскулачивание, которым занимаются сотрудники ГПУ, является вариантом охоты на людей. Их отлавливают, сгоняют в тюрьмы, грузят сверх меры в теплушки эшелонов, считают по головам, морят голодом, убивают. Следующим этапом такой охоты становятся репрессии и «охота на ведьм». Именно на этом этапе Игнатов останавливается и отказывается быть охотником от органов. Многолетние муки совести за спасённых переселенцев, утонувших вместе с баржей «Клара», выживание с оставшимися среди тайги, любовь к Зухейхе – всё это превращает «красноордынца» в несчастного «хорошего человека», у которого, по признанию самих поселенцев, есть чувство справедливости. Игнатов отказывается фабриковать дело против своих, но Кузнец и Горелов продолжают свою охоту.

Подчёркивают интерпретацию репрессий как охоты интрактекстуальные связи романов Яхиной. В обоих текстах есть сцены отстрела волков / собак. И если в первом романе Зулейха убивает стаю, спасая своего сына, то во втором романе «Дети мои» Сталин прикармливает бродячих собак, убитым ему на обед карпом, а потом, заметив агрессию, конвоем расстреливает животных. Однако на этом Сталин не останавливается, он даёт приказ «проверить по всем статьям» выстрелившего первым солдата, который, по мнению вождя, мог промахнуться, хотя тот спас его от нападения собак [Яхина, 2018b, с. 468–469]. В целом сцена становится аллегорией репрессивной машины.

Ещё одним вариантом мотива охоты в романе становится «духовная охота», значение которой вычитывается через христианский контекст. В Библии Иисус называется «ловцом человеков». Его первые ученики – апостолы Андрей и Пётр занимались ловлей рыбы. Именно

через эти аллюзии обнаруживается в романе Яхиной связь с Библией: главный рыбак в поселении носит имя Лукка. Имя рыбака напоминает имя одного из евангелистов. Но ловцом человекаков становится не он. В романе их несколько – Зулейха, Вольф Лейбе и Илья Петрович Иконников. И «жертва» этих охотников – юный Юзуф. Мать несколько раз оказывается в ситуации, напоминающей охоту на сына: целится в медведя, который в шаге от маленького Юзуфа, выслеживает его по следам на снегу, когда он пошёл встречать её ночью в метель, привязывает его к своему телу, будто поймав его в силки, поминутно ищет его взглядом – не уполз ли куда-нибудь. Апогеем этой охоты становится финал романа, когда мать, не желая отпускать сына, грозит проклясть его, если он сбежит. Её любовь-привязанность к сыну так сильна, что она не мыслит без него своей жизни. Если бы Зулейха не отказалась от этой охоты на сына и не помогла бы ему сбежать, вполне возможно, что его бы ждал трагический конец. К власти в посёлке пришёл Горелов, ярый сотрудник ГПУ.

Вольф Лейбе и Иконников становятся «духовными ловцами» – учителями Юзуфа. В образе каждого из них подчеркнута святость: в докторе Лейбе – через его отчасти сумасшествие, аскетизм, нимб волос, способность творить чудеса в медицине; Иконникова, помимо фамилии, – через сравнение с Микеланджело (отсылка к росписи клуба-храма). Каждый из них ловит душу Юзуфа, предлагая свой профессиональный путь. Душа мальчика попадает в «плен» искусства. И решающей, вероятно, оказывается много раз рассказанная матерью та самая сказка о птице Симург. Алишер Навои повествует о чудесном даре птицы Симург: «В поэме «Язык птиц» рассказывается, как, пролетая над Китаем, он обронил перо необычайной расцветки – сверкающее столь ярко, что весь Китай (в поэме – город) оделся сиянием. С этого дня все китайское население обрело пристрастие к занятию живописью. Самым виртуозным живописцем стал Мани, легендарный основатель манихейства (религии, сочетающей черты зороастризма и христианства), – в классической восточной поэзии Мани – образ гениального художника. Таким образом, Симург, в дополнение к трем вышеозначенным ипостасям, может служить и символом искусства» [электронный ресурс, <http://kudes.ru/?q=book/export/html/4467>].

Художник Иконников – истинный ловец человеческих душ. Под видом рисования в клубе агитации Иконников воссоздаёт на холстах картины прошлого – Ленинград, Москва, Париж, а также пишет «икону» Семрука, шире, эпохи. Для Кузнеца – это агитация, которая, тоже является попыткой поймать человеческие души. Для него парящие в небе фигуры – это защитник отечества, советская женщина-мать, агроном и врач. Для самого Иконникова – это основатели Семрука, те, кто выжил, вопреки власти, и заложил основы будущего –

защитник Игнатов, мать Зулейха, агроном Семилуцкий и врач Вольф Лейбе. А для Юзуфа, который отчасти угадывает, с кого были написаны фигуры, это просто фэрэштэ – ангелы. Парящие на потолке образы и есть та птица Симург-Семрук, мечта найти которую помогает героям романа выжить и обрести свой путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айтматов, Ч. Т. Плаха / Ч.Т. Айтматов. – Санкт-Петербург: ИД «Азбука-классика», 2007. – 416 с.

Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – Москва: Гранд: Файр-Пресс, 1999. – 444 с.

Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза / Г.Ш. Яхина. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018а. – 508 с.

Яхина, Г. Ш. Дети мои / Г.Ш. Яхина. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018б. – 496 с.

REFERENCES:

Aytmatov, CH. T. Plakha / CH. T. Aytmatov. – Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2007. – 416 s.

Tresidder, D. Slovar' simvolov / D. Tresidder. – Moskva: Grand : Fayr-Press, 1999. – 444 s.

Yakhina, G. SH. Zuleykha otkryvayet glaza / G. SH. Yakhina. – Moskva: AST: Redaktsiya Eleny SHubinoy, 2018a. – 508 s.

Yakhina, G. SH. Deti moi / G. SH. Yakhina. – Moskva: AST: Redaktsiya Eleny SHubinoy, 2018b. – 496 s.